

Чеслав Горбачевский

Кафедра русского языка и литературы

Южно-Уральский государственный университет Челябинск

ЛЕГЕНДЫ О ПОЛКОВНИКЕ ГАРАНИНЕ В ТЕКСТАХ ВОСПОМИНАНИЙ КОЛЫМСКИХ ЗАКЛЮЧЁННЫХ

Key words: legend, Garanin, memoirs, Kolyma, Dalstroj

В рассказе В.Т. Шаламова *Последний бой майора Пугачёва* (1959) повествователь акцентирует внимание на том, что на Крайнем Севере, «в этой стране надежд, [...], стране слухов, догадок, предположений, гипотез любое событие обрастает легендой» [Шаламов 1998, 319]. На колымском «краю света» для простого доходяги (например, Андреева из рассказа Шаламова *Май* (1959) даже сгущённое молоко и консервированная колбаса, доставляемые сюда по лендлизу, обретают – ни много, ни мало – статус легенды [Шаламов 1998, 515].

На Колыме не только обычная человеческая еда становилась легендой, но легендарный ореол приобретали и местные начальники. Один из них – Степан Николаевич Гаранин, начальник Управления Северо-Восточных исправительно-трудовых лагерей в период с декабря 1937-го по сентябрь 1938 года, – до своего фактического ареста с последующим приговором к исправительно-трудовым работам в лагерях, т. е. до своего падения из „высших сфер” на землю.

Истории и легенды о Гаранине и таком явлении, как «гаранинщина»¹ в лагерной среде связаны, большей частью, с тем страхом, который Гаранин наводил на «вверенных ему» заключённых. Во времена правления Гаранина на Колыме было расстреляно свыше десяти тысяч невольников, однако точную цифру назвать едва

---

¹ О том, что такое «гаранинщина» Шаламов в рассказе *Курсы* писал: «Это было время, известное по Колыме и по всей России под названием «гаранинщины», хотя правильной было бы назвать это время «павловщиной» по имени тогдашнего начальника Дальстроя. Полковник Гаранин был только заместителем Павлова, начальником лагерей, но именно он был председателем расстрельной тройки и подписывал весь 1938 год бесконечные списки расстрелянных» [Шаламов 1998, 1, 473]. Т. Перельштейн (Рубман) писала в своих воспоминаниях: «На место Берзина назначили Гаранина и Павлова, жестоких и бессердечных палачей. Под их руководством условия содержания заключённых изменились до неузнаваемости» [Перельштейн (Рубман) 2003, 101].

ли представляется возможным, поскольку часть документов в архивах Дальстроя была уничтоженной вскоре после смерти Сталина.

Легенды о Гаранине – одни из устойчивых устных повествований предвоенного, военного и послевоенного периодов на Колыме. Подтверждением этому служат многочисленные свидетельства бывших колымских заключённых: «Крепко запомнился людям полковник Гаранин, неполный год было его царствование, а нагнал он страху *на долгие десятилетия: тысячи легенд и рассказов*, где был мешается с вымыслом, ходили о нём; наверное, и сейчас (т. е. в 60-е – 70-е гг., когда А.С. Яроцкий работал над своими воспоминаниями) старики в какой-нибудь палатке геологов или в бараке дорожников долгим зимним вечером у горящей печки рассказывают их новым колымчанам» [Яроцкий 2003, 119]. Власть Гаранина на Колыме Яроцкий справедливо называет «царствованием», поскольку имя царька тесно связано с понятиями «страх» и «произвол».

В предисловии к циклу своих колымских рассказов Георгий Демидов так характеризовал дальстроевское «государство в государстве»: «На фоне фактического крепостничества, абсолютного бесправия одних и произвола других в Дальстрое расцвёл омерзительный сталинский феодализм местных царьков и подцарьков» [Демидов 2008, 16].

Фрагменты приведённых ниже текстов показывают вариативность интерпретации одного из колымских эпизодов, связанных с именем начальника УСВИТЛа. Запущенная сверху легенда об убийстве Гаранина², которого, как мы знаем, тоже отправили в лагерь, тем не менее, жила на Колыме своей жизнью.

Суть одной из основных версий мнимой гибели Гаранина заключается в том, что настоящего Гаранина якобы убили японцы, а взамен него тайно внедрили японского диверсанта, впоследствии разоблачённого и расстрелянного «сталинскими соколами». Один из главных персонажей романа Юрия Домбровского *Факультет ненужных вещей* (1964–1975) приводит именно этот, японский «извод» легенды³: «Ехал из Магадана на океанском пароходе вновь назначенный начальник лагеря. Ну, конечно, патриот, гуманист, и всё такое. А к нему в каюту забрался японский диверсант; ну и дальше как по фильму: свернул ему шею, выбросил в окно, а сам переоделся в его форму, забрал документы и приехал на место назначения. Стал выполнять задание. Всё. А разоблачили его случайно: жена приехала и увидела, что это не тот. Вот такая была версия.

– И верили? <...>.

– Ну это кто как. Я-то, например, не очень» [Домбровский 1993а, 474-475]. Версия, спущенная сверху «через бригадиров», оказалась неубедительной для самих заключённых, хорошо знакомых с фабрикацией дел и колымской заправочной

² «через бригадиров пустили слух (...)», – пишет Домбровский о том же в *Факультете ненужных вещей* [Домбровский 1993а, 5, 474].

³ Правда в романе Домбровского фамилия Гаранина напрямую не называется, но колымский подтекст и реалии красноречиво свидетельствуют о том, что «начальник лагеря», скорее всего, и есть Гаранин.

действительностью. Однако этот факт мало учитывался теми, кто «вдыхал в легенду жизнь», поскольку мнения «лагерной пыли» никто спрашивать не собирался.

Повествователь рассказа Шаламова *Как это началось* (1964) говорит о конспирирующей легенде, в которой «японского шпиона» разоблачает не жена, как в романе Домбровского, а родная сестра Гаранина: «Прикрывающая» легенда была выпущена в свет, чтобы объяснить его (т. е. Гаранина) арест и смерть. Настоящий Гаранин якобы был убит японским шпионом на пути к месту службы, а разоблачила его *сестра Гаранина*, приехавшая к брату в гости.

Легенда – одна из сотен тысяч сказок, которыми сталинское время забивало уши и мозг обывателей [Шаламов 1998, 386–387]. Ключевые слова «японский шпион» рассчитаны были на то, чтобы направить мысли масс в нужное русло, однако многими эта версия с самого начала была встречена с недоверием: «это нелепая формулировка, чтобы концы в воду» [Налимов 1994, 198], это «сказка для взрослых»⁴, рассчитанная на то, чтобы быстро замести следы.

К легенде с расстрелом Гаранина обращается в *Записках лагерного художника* Николай Билетов, проведший в заключении на Колыме более двадцати лет. Билетов не обходит вниманием мотивы генезиса легенды, которые оказываются созвучными размышлениям в текстах Шаламова и Домбровского: «Позднее, когда казнили и Гаранина, на Колыме кто-то – уж не сами ли энкавэдэшники? – усиленно распространял легенду: мол, на место врага народа Берзина из Москвы был послан хороший, честный чекист Гаранин, но по дороге Гаранина убил диверсант, завладел его документами, прибыл с ними на Колыму и стал расправляться с невинными людьми» [Билетов 1994, 86]. Билетов, как и многие другие свидетели колымских событий, пишет о том, что предшественник Гаранина был куда менее кровожадным начальником, чем его преемник. О времени «гуманного правления» Берзина тоже слагались легенды. Память о берзинском либерализме, обращение к сравнительно лучшим временам, само по себе делало догаранинский период легендарным – настолько был разительным контраст старых и новых порядков, внедрявшийся в тюремно-лагерную систему со второй половины 1937-го года.

Подневольные люди, которых гнали на Колыму, имели, в основном, отдалённое представление о конечном пункте своего назначения, а чаще всего не знали о нём почти ничего достоверного. Зачастую представления о невольничьей Колыме у тех, кто был пока на «материке», складывались по слухам и легендам: «Ходили слухи, что рабочие приисков (в том числе и «зеки») получают большие деньги, что некоторые накапливают их чуть ли не мешками. Потом мы узнали, что это касается только вольнонаёмных, а не «зеков», и что так или почти так было с начала «открытия Колымы», когда начальником Дальстроя НКВД (так называлась вся колымская система приисков) был некто Берзин. Рассказывали, что при нём колымчане-дальстроевцы жили как сыр в масле. Но Берзин был «разоблачён» как

⁴ Сравни с распространённым благарским выражением: «Не веришь – прими за сказку», в котором «сказка» выражает крайнее презрение к слушающему. Не лишена этой «презрительной» составляющей к адресату легенда о расстреле Гаранина.

«враг народа», и всё приняло иные, суровые формы» [Вагнер 2004, 86–87]. И хотя в действительности при Берзине заключённые не катались как сыр в масле, всё же слова Вагнера не являются большим преувеличением, поскольку слишком велик был контраст берзинского и гаранинского периодов. Известную роль в таком status quo сыграли и «законы жанра», когда значимое событие, да ещё и в специфических условиях, непременно обростало изрядной долей вымысла.

Крамольные разговоры о начальниках приобретали статус строжайших табу, одно только упоминание заключёнными имени Гаранина могло привести к предсказуемым последствиям. Так, в тексте воспоминаний Павла Галицкого один из колымских начальников полковник Нагорнов строго наказывает з/к Козловского за ответ на вопрос о статье, по которой тот осуждён:

«– (...) какая статья? (...)

– Известно какая, гаранинская!»⁵, – произнёс Козловский [Галицкий 1993, 82].

Результатом дерзости, компрометирующей честного полковника Гаранина, якобы несправедливо награждающего десятилетними сроками заключённых, стало водворение провинившегося з/к на штрафной прииск сроком на шесть месяцев⁶, где Козловский «доплыл» окончательно. События, описанные выше Павлом Галицким, происходили во второй половине 1937 года, в пору расцвета гаранинского произвола.

Отголоски легенды о Гаранине звучат в воспоминаниях Надежды Иоффе, осуждённой в 1936 году к отбыванию срока на Колыме: «Забегая вперед, скажу, что когда Гаранина сняли, а по слухам и расстреляли, говорили, что он вовсе не полковник Гаранин, а бандит, убивший настоящего Гаранина и присвоивший его документы. Я лично никогда этому не верила. Во-первых, назначение на Колыму он получал в Москве, где, несомненно, должны были знать в лицо настоящего Гаранина. А во-вторых, он был типичным представителем органов того периода. Такие гаранины, в меньшем масштабе и с меньшими полномочиями, были на каждой командировке, в каждом лагпункте, в каждой тюрьме» [Иоффе 1992, 133]. Надежда Иоффе как бы выражает коллективное мнение колымчан, не веривших, несмотря на все запреты и конспиративность, в спущенную сверху легенду о гибели полковника Гаранина. Хотя заключённые, по причине отсутствия достоверной информации, домысливали то, чего тоже могло и не быть, как не было и расстрела Гаранина.

В словах Иоффе звучит мысль об обыденности существования на Колыме конца 30-х гг. кровавых самодуров разного масштаба (от уголовников и бригадиров до начальника Дальстроя). Нечего и говорить о том, что радость, облегчение и чувство заслуженного возмездия заключённые испытали после мнимого расстрела Гаранина.

⁵ В тот же период появился термин «гаранинская десятка», т. е. десять лет заключения.

⁶ Отправка на штрафной прииск – «хуже расстрела» [Шаламов 1998, 2, 160], – говорит повествователь рассказа Шаламова *Житие инженера Кипреева*.

Любопытно, что многочисленные утверждения очевидцев того, что Гаранин сам расстреливал заключённых, Шаламов относит к неправдоподобным: «После говорили, что он лично расстреливал людей. Никого он не расстреливал лично – а только подписывал приказы. Гаранин был председателем расстрельной тройки. Приказы читались день и ночь» [Шаламов 1998, 386]. Свидетельство Шаламова – одно в ряду многих. В мемуарных текстах других авторов – бывших колымских зэка – мы находим совершенно противоположное, а именно подтверждения того, что Гаранин не только подписывал смертные приговоры в составе расстрельной тройки, но и сам участвовал в их «приведении в исполнение».

Алексей Яроцкий: «Гаранин не гнушался и сам ролью палача, я знаю много случаев, когда *он сам стрелял*, иногда просто под горячую руку. У нас на Утинке он застрелил какого-то доцента-математика, который вёз неполную тачку. Гаранин это увидел и спросил его: «Что сволочь, саботируешь?» Ответ был достоин математика – «Моя работа прямо пропорциональна получаемому питанию» [Яроцкий 2003, 118].

Ольга Адамова-Слиозберг: «Он [Гаранин] многим добавлял «за саботаж» новый срок – 10 лет, в лагерях *своей рукой расстреливал* людей» [Адамова-Слиозберг 1993, 141].

Евгения Гинзбург: «Полковник Гаранин, наместник Сталина на этой окоченевшей колымской земле, император и самодержец всеколымский в конце тридцатых годов. Полковник был всем сердцем предан интересам производства. Он так болел за план добычи золота, что не в силах был сдержать праведный гнев, если видел, что какой-нибудь враг народа, симулируя болезнь или слабость от голода, вяло управляет со своей тачкой. И так как полковник Гаранин был натурой порывистой и пылкой, то он нередко выхватывал свой револьвер и *сражал симулянта наповал прямо в забое, у рабочего места*.

Впрочем, чаще полковник проявлял похвальную выдержку и предварительно заносил фамилии саботажников в записную книжку. Уже потом, на другой день, он издавал приказ: таких-то и таких-то за контрреволюционный саботаж, выразившийся в систематическом невыполнении плана, – к высшей мере наказания.

Такие списки читались на разводах и поверках. Прочтут и добавят: приговор приведён в исполнение.

Иногда люди попадали в гаранинские списки и без личных столкновений с полковником, очевидно просто по характеру своих следственных дел» [Гинзбург 1089, 299].

Одну из типичных историй, слышанную от «не менее, чем двухсот очевидцев», приводит А.В. Жигулин в главке «Шахтёрские рассказы» своей книги *Чёрные камни*:

«– Иван Кузьмин (горный мастер, бывший з/к), а вы Гаранина помните?

– Ничего себе сказал – помните! Да я его видел, почти как тебя, когда он строй заключённых обходил! И не один – со свитой. Он ещё и не приехал, а по телефону дана была весть: может захватить, лично проинспектировать лагерь. Он ещё из Магадана не тронулся, а мы в Палатке всем лагерем строем стоим. Всё вычищено,

выкрашено, жёлтым песочком посыпано. Начальство бегаёт, нервничает. Вдруг слух: едет, едет! А ворота лагеря уже настезь открыты. Въезжает он целой колонной – несколько легковых «эмков», несколько грузовиков с охраной. Выходит из первой машины, свита мгновенно – по бокам. И все с маузерами вверх полусубков. Сам в медвежьей шубе. Грозный. Глаза запойные, свинцовые. Начальник нашего лагеря, майор, к нему подбегает, докладывает, голос дрожит: «Товарищ начальник УСВИТЛа НКВД!.. Весь личный состав отдельного лагерного подразделения построен!..» – «Отказчики есть?» – «Есть!» – трепетно отвечает майор. И выводят строй отказчиков, человек двенадцать. «Работать не хотите... в рот?» А маузер уже в руке. Бах! Бах! Бах! Бах!.. – всех отказчиков уложил. Кто шевелится – свита достреливает. «А рекордисты, перевыполняющие норму, есть? Ударники?» – «Есть, товарищ начальник УСВИТЛа НКВД!» Радостный, весёлый строй ударников. Им-то нечего опасаться. Гаранин со свитой подходит к ним, а маузер в руке всё ещё держит, уже пустой, без патронов. Не оглядываясь, протягивает свите назад через плечо. Ему подают новый, заряженный, он кладёт его в деревянную кобуру, но руки с него не снимает. «Значит, ударнички? Нормы перевыполняете?» – «Да...» – отвечают. А он опять спрашивает: «Враги народа, а нормы перевыполняете. Гм... Враги народа проклятые. Врагов народа надо уничтожить...». Снова – бах, бах, бах, бах!.. Ещё с десяток людей лежит в лужах крови. А он, Гаранин, вроде и повеселел, глаза поспокойнее стали... Насытился кровью, стало быть. Начальник лагеря ведёт дорогих почётных гостей в столовую – пиром угощать. И радуется, что под пулю не попал. Гаранин и командиров стрелял, когда хотел... Произвол! Произвол страшный был, когда начальником УСВИТЛа был Гаранин. Люди мёрли, как мухи» [Жигулин 1996, 216].

В рассказе-воспоминании Матвея Максимовича об одном из своих знакомых по лагерю, условно названных Павлом⁷, тоже встречается имя Гаранина: «Но, располагая достаточным временем для размышлений, Павел всё же пришел к мысли, что помилование ему совершенно ни к чему. Расстрел – это быстрая смерть, а 10 лет в колымских лагерях – смерть долгая и мучительная. Вспомнил он, как начальник северо-восточных лагерей системы ГУЛага Гаранин приезжал однажды на прииск, потребовал выстроить все бригады заключённых и спросил у бригадира, сколько процентов даёт его бригада – разумеется, вопрос был задан не в столь вежливой форме: иначе как «хайло» Гаранин бригадира не величал. Бригадир был из воров, он тут же «сориентировался» и начал хныкать, что больше 75 процентов бригада не даёт, так как «враги народа» все саботажники, работать на «дорогую советскую власть» не хотят. Гаранин распорядился назвать «самых вредных» – и бригадир выкликнул самых слабых. *Тут же на месте Гаранин перестрелял этих несчастных – собственной рукой*» [Максимович 1982, 154].

В мемуарах Михаила Миндлина не говорится о «собственноручных» расстрелах Гаранина, но констатируется его активное участие в узаконенных убийствах: «Всеобщий произвол, творимый теми, кто имел власть над заключёнными, – от лагерных «придурков» до высокого начальства, – в этот период достигал «высшей точки». По лагерю распространился слух, что это результат руководства начальника Севвостлага Гаранина, по распоряжению которого расстреливались

⁷ «Условность» имени связана с нежеланием автора подвергать риску близкого человека.

без суда и отправлялись на «Серпантинку» («расстрельная» тюрьма на Колыме) сотни заключённых. Правдивость этих слухов подтверждалась многочисленными фактами, нередко на утренних разводах зачитывались приказы лагерного начальства о расстрелах за «контрреволюционный саботаж», выразившийся в намеренном выводе из строя тачек, коробов, инструментов, отказе работать и т. д.» [Миндлин 1999, 60–61].

Воспоминания Януша Бардаха объединяют обе эти версии: по одной из них, расстреливал Гаранин «собственноручно», по другой, расстреливал с помощью «подручных»: «Сотрудник НКВД Гаранин, занявший место Берзина, вошёл в историю Колымы как зверь и садист. Приятель, которого я встретил в больнице на двадцать третьем километре, рассказал, что однажды Гаранин, приехав в больницу, спросил, есть ли жалобы. Один заключённый пожаловался на нехватку еды и плохую одежду. *Гаранин пристрелил его на месте.*

Другой рассказ о Гаранине дошёл из лагеря на Сорок седьмом километре. Однажды ночью из Магадана прибыл грузовик с офицерами НКВД. На перекличке заключённых разбили на десятки, каждого десятого отослали в барак. Потом начался издевательский суд над отобранными зеками: их обвинили в коллективном саботаже, подрывной деятельности и заговоре с целью покушения на Сталина. Всех расстреляли, а тела бросили гнить в лесу. После двух следующих перекличек вокруг лагеря разбросали ещё сотни трупов. Гаранин и его люди разделили судьбу своих предшественников: их казнили в 1939 году» [Бардах, Глисон 2002, 151].

Справедливости ради отметим, что в воспоминаниях, наряду с нечеловеческой жестокостью, иногда обнаруживаются свидетельства, как это и ни громко звучит, гуманных поступков Гаранина, которые, впрочем, нисколько не отменяют его садизма: «<...> как-то вечером в большой половине палатки слышались шаги, и в просвете стал человек – бритый, откормленный, в кожаном пальто. Я узнала его сразу – это был полковник Гаранин. За ним стоял начальник нашего лагеря. И весь лагерный синклит.

Гаранин осмотрел наш куток: железная печурка посередине, двое крошечных детей, пылающая в жару Шура, и потом, глядя сквозь меня, такими же, как тогда, на разводе, стеклянными глазами, спросил: «Какие жалобы?» Я сказала, что нужно, чтобы палатку утеплили, регулярно снабжали дровами, чтобы дети получали молоко, больную Николаеву [т. е. Шуру] поместили в больницу. Он повернул голову и сказал стоящим сзади: «Запишите, чтобы всё было сделано». Потом обратился ко мне: «Что ещё?» Тогда я сказала, что на прииске, в 25 км отсюда находится мой муж, с которым я имела совместное проживание, и у которого остались мои вещи. Кроме того, он даже не знает, что у нас родилась дочь (это я, конечно, наврала, я пару раз писала ему через больницу. Но вещи, действительно, остались на прииске). Я сказала, что хочу иметь свидание с мужем. Он опять повернулся и сказал: «Запишите фамилию мужа, доставьте вещи, предоставьте свидание».

После этого он ушёл.

А примерно через час явился начальник УРБ и сказал, чтобы я собиралась: нас отправляют в Магадан. Никаких устройств, никаких вещей, никаких свиданий – отправляют немедленно. Личный приказ полковника Гаранина» [Иоффе 1992, 132–133].

Галина Нурмина тоже вспоминает давние собственные впечатления от встречи с Гараниным: Гаранин, тот самый начальник СВИТЛ (он приезжал в это время на «Эльген»), говорят, узнав, что женщин послали на такую тяжёлую работу, сделал удивлённое лицо. На вид он, вопреки общему теперь представлению, не был каким-то страшилищем. Он ещё спросил, имея в виду нас, направленных на лесоповал: «Чаю им там, что ли, организовать?» [Нурмина 1992, 17].

Из описанного выше видно, что свои приезды на прииски Гаранин старался сделать максимально «эффектными» и «эффективными», поэтому у многих заключённых эти посещения остались в памяти до самой смерти.

Несмотря на вариативность ряда деталей легенды о Гаранине у различных авторов, суть её недвусмысленна: в кровожадной системе действовал обыкновенный злодей, а вовсе не японский шпион, впоследствии павший жертвой самой системы. Правда, значительная часть мемуаристов говорит о расстреле Гаранина, как о свершившемся факте, но не о его действительной смерти – о которой они и не могли знать – в 1950 году в Печёрском лагере.

Все авторы (бывшие колымские заключённые), писавшие о смерти Гаранина, сходятся в одном: «расстрел» Гаранина – один из многих расстрелов в череде уничтожения и правых, и виноватых. Как писал в заметке *К истории* Юрий Домбровский: «Пало право и настал 37 год. Он не мог не настать. Сталинский конвейер – это сфинкс без загадки. Если уничтожать не за что-то, а во имя чего-то – то остановиться нельзя» [Домбровский 1993б, 679].

Наверное, нельзя не согласиться с Алексеем Лосевым, писавшим о том, что «чем личность замечательнее, тем более обрастает она в последующих поколениях разного рода мифами и сказками и тем труднее добраться до исторической правды» [Платон 1990, 5]. Конечно, полковника Гаранина едва ли можно отнести к числу замечательных личностей, да и не о Гаранине писал Лосев. Но, так или иначе, воспоминания колымских заключённых об одном из главных колымских душегубов приоткрывают часть почти уже забытой исторической правды о событиях недавнего прошлого.

В воспоминаниях Геннадия Тёмина речь идёт о «старом „воронке“ (...) времён Гаранина» [Тёмин 1995, 63], на котором заключённых возили расстреливать за посёлок. Геннадий Тёмин, показывая преемственность в злодействе и связь гаранинских расстрелов с послевоенными расстрелами на Колыме, акцентирует внимание на «воронке» времён Гаранина, а не Филиппова, к примеру, или Драбкина – других начальников УСВИТЛа (до- и послегаранинского периодов). В этом контексте, именно гаранинский воронок становится символом массовых расстрелов на Колыме.

Библиография

- Адамова-Слиозберг О., 1993, *Путь*, Москва: Возвращение.
- Бардах Я., Глисон К., 2002, *Человек человеку волк: выживший в ГУЛАГе*, Москва: Текс.
- Билетов Н., 1994, *Из записок лагерного художника*, Волгоград: Б. и.
- Вагнер Г., 2004, *Из глубины взываю... (De profundis)*, Москва: Круг.
- Галицкий П., 1993, *Этого забыть нельзя!*, Санкт-Петербург: Б. и.
- Гинзбург Е., 1989, *Крутой маршрут: хроника времён культа личности*, т. 1, Москва: Курсив.
- Демидов Г., 2008, *Чудная планета*, Москва: Возвращение.
- Домбровский Ю., 1993а, *Факультет ненужных вещей*, т. 5, Москва: ТЕРРА.
- Домбровский Ю., 1993б, *К историку*, т. 5, Москва: ТЕРРА.
- Жигулин А., 1996, *Чёрные камни*, Москва: Культура.
- Иоффе Н., 1992, *Время назад: моя жизнь, моя судьба, моя эпоха*, Москва: Биологические науки.
- Максимович М., 1982, *Невольные сравнения*, London: Overseas Publication Interchange.
- Миндлин М., 1999, *Анфас и профиль: 58–10*, Москва: Возвращение.
- Нурмина Г., 1992, *На дальнем приiske*, Магадан: ГОБИ.
- Платон, 1990, *Собрание сочинений*, т. 1, Москва: Мысль.
- Перельштейн (Рубман) Т., 2003, *Помни о них, Сион...*, Иерусалим.
- Тёмин Г., 1995, *В тени закона: боль о пережитом*, Санкт-Петербург: Лики России.
- Шаламов В., 1998, *Собрание сочинений*, т. 1–2, Москва: Художественная литература.
- Яроцкий А., 2003, *Золотая Колыма*, Железнодорожный: РУПАП.

Summary

LEGENDS ABOUT COLONEL GARANIN IN KOLYMA'S EX-CONVICTS' MEMOIRS

This article is devoted to the Kolyma legend formed during Stalin's regime. The legend was spread amongst the convicts of Kolyma after Garanin's arrest at the end of 1938. Garanin was known as a chief of the USVITL (Dalstroj) from 1937 to 1938. A great number of Kolyma's convicts focused in their own memoirs on eternal problems, connecting ordinary events with totalitarian times: Garanin was an omnipotent chief for more than a year. After a short period of time he lost all his power and influence (he was arrested and died in prison).